

Обычное деревянное древко не подходило для машо по простой причине: это оружие предназначалось главным образом для таранных атак тяжелой кавалерии. Чисто деревянное древко легко ломалось, а чисто металлическое страдало от отсутствия упругости и оказывалось чересчур тяжелым. Машо — сверхдлинное холодное оружие, достигающее в длину около одного чжана и восьми чи. Если отковать его древко из меди или железа, оно выйдет тяжелее, чем гуаньдао самого Гуань Юя, и махать им будет слишком утомительно. По этой причине для древка использовали составные материалы, благодаря чему оно не ломалось и оставалось относительно легким. Стоило такое оружие чрезвычайно дорого и совершенно не подходило для одиночных поединков, поэтому им пользовались крайне редко. В памяти Лу Цзыя отложилось, что этим оружием безупречно владел лишь бесстрашный генерал Цинь Цюн. По сути, это оружие было создано исключительно для поля боя, и мало кто выходил на прогулку, взвалив на плечо столь длинное копье, — то ли дело меч, придающий облику изящество и небрежное благородство. Для юноши в возрасте пятого принца изящество и небрежное благородство служили одним из главных критериев оценки оружия: отсутствие этого означало потерю восхищения девиц, а значит, тренировки сразу лишались половины своего смысла. Разумеется, пятый принц не хотел выбирать машо.

— Машо — наилучшее оружие для вас, — Чжан Сы выдернул копье, отступил на шаг и принялся демонстрировать его перед пятым принцем, ловко уворачиваясь и совершая выпады. Попутно он объяснял: — Машо нужно не только для прорыва вражеских строев. Его длина позволяет вам всегда оставаться на безопасном расстоянии и отчетливее видеть каждое движение соперника. Ваша главная слабость, Ваше Высочество, заключается в том, что в ближнем бою вы стремитесь нанести решительный удар и из-за этого упускаете внезапные выпады противника. Я знаю, вы хотите сражаться парными молотами и завершать поединок мгновенно, но на самом деле ваши неудачи вызваны не нехваткой мощи оружия, а привычным слепым пятном в ближнем бою. Когда же вы держите с соперником дистанцию, ваша наблюдательность и рассудительность становятся невероятно точными и тонкими. В этом и проявляется ваш природный дар к машо. Освойте его — и с копьем да шестом справитесь без труда.

Пятый принц мысленно перебрал свои прошлые поединки и с изумлением осознал, что Чжан Сы прав. Пока сохранялась дистанция, он почти всегда одерживал верх, но стоило расстоянию сократиться до мгновения схватки вплотную, как, не сумев победить одним ударом, он тут же оказывался подавлен противником. Раньше он думал, будто все дело в недостаточной силе оружия, из-за которой в решающий миг не удавалось сокрушить врага, но, выслушав разбор Чжан Сы, наконец понял: его настоящей слабостью было слепое пятно в сверхближнем бою.

— Твои слова звучат разумно, — произнес пятый принц. — Но я... все равно не слишком люблю машо. Нельзя ли просто исправить мои ошибки в ближнем бою и взять другое оружие?..

— Ваше Высочество, — перебил его Чжан Сы, говоря прямо. — Я уже сказал: главное — сперва определить то направление, к которому у вас есть врожденный талант. Разумеется, ваши недостатки можно исправить упорными тренировками, однако встретить вы противника, безупречно владеющего ближним боем, слабость все равно останется слабостью. Чтобы побеждать в сотнях сражений, вы должны опираться на свои сильнейшие стороны, сохраняя преимущество.

Возразить пятому принцу было нечего. Собравшись с духом, он кивнул и протянул руку, собираясь забрать машо у Чжан Сы.

Однако Чжан Сы неожиданно отдернул руку, не отдав оружие.

Пятый принц озадаченно поднял взгляд.

— Если вы определились с целью, то должны искренне полюбить свое оружие, — строго произнес Чжан Сы. — Сейчас вы не любите машо, так упражняйтесь и с парными молотами, и с машо. Через месяц сойдитесь в поединке с вашим императорским инструктором, используя поочередно молоты и машо, а затем назовите мне свой выбор — ваш истинный выбор.

Пятый принц медленно опустил голову. Спустя долгое время он произнес чуть хриплым голосом:

— Дело не в том, что мне не нравится машо. Мне не нравится человек, который когда-то прославился с этим оружием в руках.

Чжан Сы обомлел. Посмотрев на мальчика, как две капли воды похожего на Императора, он спустя долгое время тихо спросил:

— Из великих полководцев Великой Ци, спасших государство с машо в руках, нет никого, кроме старого генерала Циня. Но ведь он — ваш родной дедушка по матери. Неужели вы его не любите?

Пятый принц кивнул и, вскинув голову, уставился на Чжан Сы:

— Ты знаешь моего дедушку?

Чжан Сы горько усмехнулся и усталым, полным прожитых лет взглядом посмотрел на пятого принца:

— Целых десять лет до вашего рождения я зарабатывал на кусок хлеба в поместье генерала. Как бы я мог не знать старого генерала Циня?

В маленьком садике внезапно воцарился Нинцзин.

Белые облака на небе постепенно рассеялись, и показавшееся солнце затопило садик палящим светом.

Точно так же, как пылал яростный огонь в глазах пятого принца.

— Я ненавижу его! — процедил сквозь зубы пятый принц. — Это он заставил мою матушку отправиться во дворец на отбор вместо второй тетушки.

Чжан Сы изумленно округлил глаза и тихо вымолвил:

— Вход хуэй-фэй во дворец — честь для генеральской усадьбы. Вы высоки по рождению, вы — принц, разве вы не должны гордиться этим?

Пятый принц опустил голову и едва слышно прошептал:

— Никогда. Я хотел, как и мой дед, мчаться по полям сражений и совершать подвиги, а этот императорский дворец...

Его по-юношески неокрепшие кулаки сжались с глухим хрустом. Он резко вскинул голову и со слезами на глазах с болью выкрикнул Чжан Сы:

— Этот дворец — клетка для моей матушки! И моя клетка тоже!

Лу Цзыяо и шестой принц застыли в шоке.

Они и помыслить не могли, что этот прямолинейный сорванец способен задумываться о подобном.

Лу Цзыяо всегда считал его беспечным, толстокожим и жизнерадостным мальчишкой.

Оказалось, в душе каждого скрывается сторона, о которой никто не догадывается.

Чжан Сы ошеломленно смотрел на пятого принца, в его голове было абсолютно пусто.

До этого момента он ни разу в душевных помыслах не воспринимал пятого принца как сына хуэй-фэй.

Он понимал, что третья барышня из рода Цинь давным-давно принадлежит Императору, и искренне желал ей счастья.

Однако то мужское естество, что жило внутри Чжан Сы, не позволяло ему смириться с мыслью, что третья барышня рода Цинь родила ребенка от другого мужчины.

Здравый смысл, впрочем, напоминал Чжан Сы, что ему не по силам тягаться ни с Императором, ни с императорскими сыновьями.

Поэтому Чжан Сы предпочитал избегать этой реальности и смотреть на пятого принца просто как на одного из принцев, не имеющего отношения к хуэй-фэй.

Но прямо сейчас он увидел, что этот ребенок — рожден для машо. В его жилах течет кровь семи поколений военачальников рода Цинь, а в характере бушует тот же пыл, что был присущ хуэй-фэй в юности.

Чжан Сы постепенно разглядел в чертах лица пятого принца образ любимой женщины.

Ожидаемая ненависть и отторжение так и не вспыхнули. Осознание того, что пятый принц — ее дитя, наполнило сердце Чжан Сы удивительным теплом, и он невольно засмотрелся на мальчика.

Пятый принц и сам не ожидал, что выплеснет наружу всё то темное, что таилось у него на душе. Он и предположить не мог, какое облегчение это принесет. Перестав заботиться о последствиях, он выкрикнул Чжан Сы всё без остатка:

— Раз у тебя такое высокое мастерство, почему ты не увлек матушку за собой и не сбежал?! Даже тот сопливый книжник, у которого и силы-то нет петуха связать, дерзнул сбежать со второй тетушкой! А ты лишь смотрел, как моя матушка идет во дворец вместо нее! Да какой ты после этого мужчина?!

— Пятый! — Шестой принц в панике бросился удерживать брата.

Хотя этот сад заранее запечатали, кто мог гарантировать, что сюда не забредет случайный свидетель?

Если бы эти крамольные слова услышал посторонний, последствия были бы ужасающими!

Лу Цзыяо тоже едва мог дышать от испуга. К счастью, шестой принц вовремя вмешался и остановил брата.

Стоявший рядом седьмой принц повернулся к Лу Цзыяо и спросил:

— А почему Чжан Сы — не мужчина? Он же не румянится.

Лу Цзыяо: «...»

Седьмой принц, не получив ответа, решил, что снова напутал с интонацией, и тут же понизил голос на октаву, басовито переспросив:

— Он же не румянится.

Лу Цзыяо вдруг почувствовал невольную отраду и поднял руку, чтобы потискать пухлые щечки малыша.

По крайней мере, этот бутуз рос в счастье и любви — значит, его старания увенчались успехом.

Благодаря тому, что беду вокруг Шуского тракта удалось предотвратить, си-фэй с сыном неизменно пользовались благосклонностью, и Император для седьмого принца был вполне достойным отцом.

Да и си-фэй отдавала всю свою материнскую любовь одному-единственному седьмому принцу.

В оригинальном романе спустя полгода после того, как Император объявил о строительстве Шуского тракта, си-фэй родила раньше срока девочку, которая вскоре скончалась. В этой же жизни она той малышкой даже не понесла.

Лу Цзыяо долго этому дивился, но позже догадался: в оригинале си-фэй без колебаний согласилась сопровождать Императора в поездке и в период вспыхнувшей страсти понесла ту девочку.

В этой же жизни в то самое время си-фэй отказалась от поездки, вызвав недовольство Императора, из-за чего упустила момент. Позже, возненавидев эгоистичную сущность Императора, она тайком некоторое время пила противозачаточные снадобья и с тех пор больше не беременела.

В итоге материнская ласка не досталась никому другому, и пухлый малыш вырос в неге и обожании, словно его выкормили на чистом меде.

Совсем не так, как у шестого принца, обделенного любовью и отца, и матери.

И не так, как...

Лу Цзыяо с состраданием посмотрел на пятого принца, который с покрасневшими глазами выплескивал свою обиду на Чжан Сы...

<http://bllate.org/book/18379/1767037>